

Подчас с людьми происходят удивительные метаморфозы. График Владимир Любаров, некогда главный художник журнала «Химия и жизнь», который в свое время был одним из немногочисленных лучей света в темном царстве, интеллектуальный иллюстратор Гофмана, Эдгара По, Станислава Лема, Николая Васильевича Гоголя, братьев Стругацких, вдруг решил опроститься и на излете перестройки перебрался из Москвы в деревню Перемилово Владимирской области. И начал писать лубочные картинки в примитивистском духе, повествующие о жизни односельчан. Всю эту историю можно наблюдать в Центральном Доме художника на Крымском валу на персональной выставке Любарова «Неновые русские». Однако при ближайшем рассмотрении обнаруживается, что никакой это не примитивизм, а вполне современная постмодернистская авторская стратегия.

Л - Вел. Илюстрика - 1994 - 24 субарс. - с. 8

Любаровские неновые русские настолько неновы и при этом изрядно подзабыты, что выглядят гораздо более колоритно и чудно, чем герои анекдотов и светско-криминальной хроники — новые русские. Из примет современности в картинах присутствуют лишь водка «Stolichnaja» и майка с надписью «Coca Cola» на «Саше, который не пьет уже три дня». Существенно опережающим время действия выглядит даже трамвай периода первой пятилетки. Все остальное из доэлектрической России. Те же самые традиционные народные утехы — качели, баня, танцы под гармонь, ладное застолье... Те же национальные березки, самовары, купола, часы-ходики,

Как художник Любаров опростился



и является мифом. Причем этот миф создан как оппозиция нынешнему тотальному российскому мифу, который наиболее напористо ломится в наше сознание с телевизионных экранов. Об этой, возможно, и неосознанной автором, идее свидетельствует

каурые лошади, курочки-рябы... Созданный Владимиром Любаровым мир не срисован с натуры. И даже не извлечен из глубин памяти. Он фантастичен



даже присутствие частицы отрицания в названии выставки — «Неновые русские».

Работы Любарова не столь уж и насыщены ожидаемой от жанра наивного искусства идиличностью. Есть, конечно, и радостные, выходящие из берегов европейских стандартов тела парящихся в бане сельчан. Есть веселое новоселье на фоне добротного выстроенного дома. Есть картины с трогательными названиями: «Егоровна ждет письма», «Николай Иванович курит», «Леша кушает арбуз»...

Но вся предыдущая судьба — не пиджак, ее в шкаф не спрячешь. Вдруг начинает проступать таинственная связь художника с проиллюстрированными им мистическими текстами Гоголя, Гофмана, По. Всплывает фантастичность Лема и Стругацких. И вот мы уже



видим стоящих по пояс в воде «Купальщиков», одетых и застегнутых на все пуговицы, которые зачарованно глядят на журавлиный клин. Вот мужик в кепке в окружении абсолютно индифферентных зрителей танцует с русалкой. Огромная «Катя на качелях» в сиянии узкого серпа месяца десятикратно превышает размеры окружающих ее человечков, словно загадка бытия.

Сюжеты тяготеют к мистике, а не к старой доброй сказке. Человек с петушиной головой и петух с человеческой, на спине которого восседает компания с гармошкой. «Прятки», где человек заслонился пятью наложенными друг на друга масками, отправляет зрителя к магическим ритуалам. По-шагаловски летящие по небу люди. И это совпадение не случайно. Автор осмысленно пользуется цитированием известных мастеров.

Кажущиеся искажения пространственных соотношений в работах Владимира

Любарова в действительности таковыми не являются. Они не связаны со способом незнакомого с техникой художника-самоучки концентрировать внимание зрителя на центральных фигурах картины, для чего они (картины) рисуются непомерной величины. Эти «ошибки» в размерах в данном случае прекрасно просчитаны по своим законам. Большинство работ Любарова, на мой взгляд, оперируют с таким пространством, каким мы видим его во сне.

В результате мы имеем совершенно фантастическую страну, где физические законы заменены метафизическими. И по всем признакам это Россия, которую, как известно, ни умом не понять, ни аршином общим не измерить. Именно в этом и заключается пафос полемики Владимира Любарова с новыми русскими, точнее — с новой действительностью. Против голой реальности прагматизма, исчисляемого в US-долларах, баррелях и лошадиных силах, в качестве контраргумента он выдвинул ирреальность, загадочную и необъяснимую. Именно она до сих пор вершила в России историю и делала людей счастливыми или несчастными. Это очень точный ход, сделанный художником-интеллектуалом, пытающимся прикинуться примитивистом.

Владимир ТУЧКОВ
Фото Виктора ИВАНОВА

